

На периферии всеобщего

/рецензия на сборник «Лучшие пьесы 2010» НФ Всероссийского драматургического конкурса «Действующие лица»/

В области драматургии в России создалась парадоксальная ситуация. Жизнь в этом роде литературы невероятно активна, но подмостки ведущих театров предпочитают классику или именитых современников. На разнообразные конкурсы присылается огромное количество пьес, но режиссёры, работающие в театрах, сокрушаются об отсутствии по-настоящему интересной, актуальной и в то же время технологичной современной драматургии.

С.Ю. Юрский, будучи председателем жюри конкурса драматургии, отмечал, что как только он понимает, что пьеса написана автором "про себя", ему сразу становится неинтересно. Его высказывание раскрывает дух времени, путь на который вступила личность в XX веке - эгоистической самореализации. В качестве идеала был провозглашён приоритет индивидуального над коллективным (всеобщим). Интрига эпохи - в необходимости проявить себя среди множества вкусов и предпочтений (индивидуальностей). Конфликт же заключается в том, по чьим правилам «играть». По умолчанию стали подражать западному образцу, с пафосом наречённому «демократией».

На почве русской вековой культурно-исторической традиции стремление поиграть в западную демократию оказалось сродни квартету из одноимённой басни И.А. Крылова. Для одних это зрелище дало материал для публицистических колкостей, другим - повод трубить о необходимости вернуть «жёсткую руку» или реставрировать монархию. Немало голосов привлек и мифический поиск национальной русской идеи. Поиск очевидного, сформированного веками, явственно напоминал излюбленный партизанский метод - направить по ложному следу.

После кризиса глобальной финансовой системы, подаренного миру в начале XX века «родиной» индивидуализма, голоса поутихли. Оказалось, что и за океаном опытом «Потёмкинских деревень» не брезгают. Ступни «пирамид», выстроенных в угоду личных интересов, оказались зыбучими. Кризис же оказался не системы, а всей идеологии эгоистической самореализации, который предрек ещё Л. Пиранделло, отрицая в своих пьесах что «Я» - это высшая форма существования, поскольку не способна реализовать себя вне общества.

***

Поэту, в античном понимании этого слова, всегда отводилась особая роль в восприятии и отображении жизни. Древнегреческий философ и учёный Аристотель, размышляя о задачах поэта, подчёркивал, что *«поэзия содержит в себе более философского и серьезного элемента, чем история...»*, - отсюда, исторически сложившись, и повышенные требования к старателям от литературы, изводящим, как ёмко выразился В.В. Маяковский, *«...единого слова ради //Тысячи тонн словесной руды»*.

Ошибочно утверждать, что интерес к индивидуальному чужд русской творческой мысли. В противном случае, следует вычеркнуть из истории её развития Чехова и Достоевского, достигших не только высочайших вершин в области формы, но и восхитивших мир глубиной проникновения в психологию личности. Укрепившись в этом, писатели перешли в разряд, как выразился А.П. Чехов: *«инженеров человеческих душ»*, - формируя осознанно-чувственное восприятие окружающего (мировосприятие) у человека. Требования же к герою русской литературы, исследовав западные образцы, сформулировал ещё А.И. Герцен: *«Человек должен развиваться в мир всеобщего»*.

Процесс формирования восприятия оказался столь увлекательным и полезным, что в погоне за результатом совершенно упустили из виду, что помимо социальных, человек является ещё и носителем свойств индивидуальных. Упущение стало очевидным в творчестве

Вампилова, Зорина, Арбузова, Володина. Личность персонажей в их произведениях прорывается сквозь тиски социально-бытовой условности и политических приоритетов.

Истосковавшись в шинелевой обыденности идей светлого завтра, советский человек с жадностью прильнула к источнику «сегодня», к игре форм и красок, к демократии. Но свобода её оказалась тем же - лозунгом, оковой, где количество звеньев измеряется наличием цифр на счету в банке, а длина цепи количеством нулей после них. Но если разницы нет, то за что платить... Где тот идеал, в борьбе за который и умереть - за честь, и назовут - героем?

У авторов, представленных в сборнике «Лучшие пьесы 2010» конкурса «Действующие лица», нет единого мнения на этот счёт. Каждый из них отражает то или иное чаяние, веяние или направление, характерное для современной творческой и общественной мысли. Есть среди них представители натурализма, наделяющие своих героев обценной лексикой и вульгарным, художественно не оправданным поведением.

Попыткой придать популизму статус искусства выделяется Дмитрий Быков, стилизовав обычный журналистский трёп под пьесу. Собственно, он этого и не скрывает, определив «Медведя» как драматический памфлет. Тема несогласия с властью вечно популярна, и не только в контексте традиций российских общественных отношений и политической борьбы. «*Ай, Моська! знать она сильна, Что лает на Слона!*», - приходят на ум нетленные строки И.А. Крылова. Но имеет ли это отношение к драматургии, имеющей вековые традиции, остаётся за кулисами. В общем-то, если кто-то из режиссёров возьмётся сделать из его опуса клоунаду, возможно, народу и понравится.

Отрадно, что в сборнике нашлось место явлению, которое прочно ассоциируется с именем Л.С. Петрушевской: женскому взгляду на проблемы общечеловеческого масштаба. За обыденностью конфликта внебрачной связи в пьесе Марии Апраксиной «Одуванчик» и рождением ребёнка, характерное для всей русской литературы явление: женщина в ней, пройдя испытания жизнью, возвышается. Любовь и сила духа приводят её к осознанию своей роли, роли планетарного масштаба - способности творить жизнь. А эта великая способность русской женщины ждать и терпеть даруют ей цель и свободу в своём истинном значении... А способность простить и принять, - по убеждениям, в силу своей внутренней природы, а не ради почетного звания героя, - делает её воистину героиней.

Мужчины же, те что из авторов в сборнике, в это время «лепят» себе героев, обращаясь то к теме рыцарства, пробуждая благородные чувства, то создавая памятники состраданию, возводя отзывчивость, сочувствие чужому горю в ранг героизма. Но дальше всех пошёл Алексей Щербак, в пьесе «Господин» его герой преодолевает свою рабскую сущность и убивает своего Господина. Хочется верить, что в себе.

При всей своей актуальности, эти поиски героя имеют привкус дидактики, так лихо развенчанной в начале 90-ых, и ставшей признаком плохого тона, признаком соцреализма. Пьесы же в сборнике конкурса «Драматургические лица» 2010 года, по духу, скорее можно отнести к документальным, для чтения. Удивляет только, что при всём великолепном множестве присланных на конкурс пьес, что размещены на сайте драматургического конкурса в Интернете (<http://www.protagonist.ru>), в сборник вошли только авторы со стажем и публично себя уже зарекомендовавшие. Это озадачивает и наводит на мысль, что нет в современной драматургии подрастающего поколения смелых, ярких, талантливых авторов. Но ведь это не так.

В целом же пьесы достаточно интересны, главное, прочитать их с правильной интонацией, и тогда они заиграют. Они динамичны, тщательно спланированы, актуальны, порой злободневны. С юмором также всё в порядке, но главное - искренни.

Старательно выводя реалии времени, авторы с каким-то мистическим ужасом боятся обмолвиться о том, а что же есть настоящая жизнь, свобода, какой она должна быть! Они будто парализованы двадцать, а может уже больше, лет назад кинутым для всей пишущей братии

лозунгом-заклинанием оставлять читателя додумывать самому, мол: думайте сами, решайте сами. Следуя этому лозунгу, автор лишается возможности поставить перед собой сверхзадачу, а у литературы появляется привкус газетчины, лишённой художественности, образности, выразительности. Читатель же при этом лишается глубины, интерактивности – возможности перечитывать и каждый раз открывать для себя новые уровни. Как сказал Валерий Ильич из пьесы Михаила Дурненкова «(Самый) лёгкий способ бросить курить», опубликованной в представленном сборнике: *«Представляете, я хотел рассказать им про картину мира»*. Желание есть, а картины нет. И хотя герои пьес всё время говорят «о главном», не оставляет ощущение, что на самом деле всё происходит на периферии.

***

К сожалению, нахлынувший поток западного «эгоизма» приучил нас к постоянному обновлению формы, что автор заинтригует и проведёт по безвредному руслу эстетических эмоций к облегчению – ясному и чётко выраженному концу. Мы привыкли к быстрой смене событий и визуальным эффектам. Не задумываясь, что легкость, с которой герои перемещаются по сцене, произносят реплики, стоят немалых усилий.

Произведения драматургии расцветают исключительно на театральных подмостках, и восприятие их во многом зависит от таланта, эстетических взглядов и опыта режиссёра. Для него хорошая пьеса интересна не тем, что в ней происходит: поворотами сюжета, трагичностью или комичностью повествования. Современному режиссеру интересно, что можно сделать с этой пьесой, как с ней поиграть. Именно он решит, разыгрывать перед зрителем фарс, клоунаду, комедию, или действие, где *«более философского и серьезного элемента»*. Созрев индивидуально, человек неизбежно начнёт развиваться *«в мир всеобщего»*, вопрос: по каким принципам.

А продюсеру интересны кассовые сборы. А кто за зрителя?